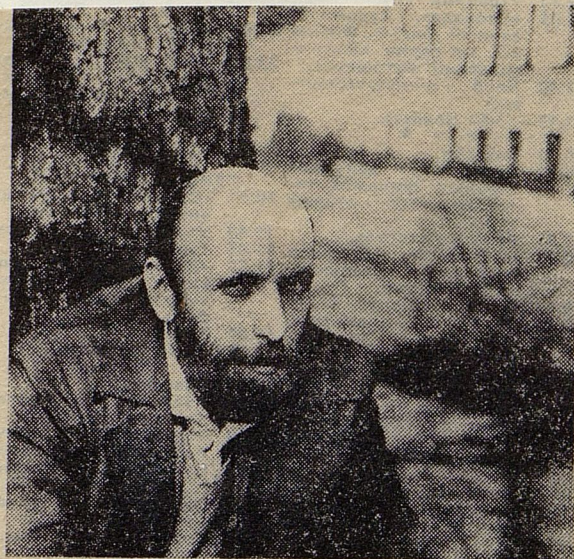

Лапшин Юрий
Николаевич

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

г. Пермь

28 ИЮН 1981

к созданию такой сценической среды, которая явилась бы глубоким образным эквивалентом авторской мысли. О самых удачных его эскизах можно сказать, что они — метафоры, символы, материализующие главную идею спектакля. Так новый эскиз к спектаклю «Соловьиная ночь» В. Ежова (1978), сделанный уже после премьеры, превратился в интересную живописную интерпретацию художником замысла пьесы. На эскизе, как воплощение слепой бездуховности, изображен манекен, а пространство вокруг ограничено чудовищными металлоконструкциями, какими-то полыми трубами, напоминающими человеческие сосуды, из которых выкачена вся кровь, жизнь, душа, поз-

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я в гостях у художника. Небольшая комната, пропахшая масляными красками, завалена холстами. Усталый человек потчует меня чаем из чашки, заляпанной краской. Он показывает мне свои удивительные картины, называя их «голубчиками», точно родных детей...

Жизнь Юрия Николаевича Лапшина очень насыщена. Помимо обязанностей главного художника в Пермском ТЮЗе, у него еще множество дел. Он оформил в этом году два спектакля в березниковском драмтеатре («Лес» Островского и «Тень» Шварца, сделал несколько эскизов для постановок Пермского театра оперы и балета — «Хованщина» Мусоргского, «Дон-Жуан» Моцарта, «Мазепа» Чайковского), сотрудничает и с пермским драмтеатром. При этом Юрий Николаевич с увлечением занимается преподавательской деятельностью в Пермском институте культуры.

В работе театрального художника есть особая специфика. Театр дает больше возможностей применять любую технику — живописную, графическую, смешивать разные приемы и материалы. Театральному художнику необходимо умение видеть порою в самых «неживописных» средствах и материалах подспорье для претворения в жизнь своего замысла. Так, в некоторых эскизах Юрия Николаевича можно обнаружить иногда лоскутки какой-то ткани, обрывки цветной бумаги, неровно вырезанные картинки; местами дырявые кусочки мешковины...

Наиболее волнующие для Юрия Лапшина темы — революции, гражданской войны. Он любит работать над

произведениями Вишневого, Островского. Тяга к обостренным конфликтам, в которых часто герой проворачивается на человечность, высокие нравственные качества, интерес к извечным вопросам бытия рождает особый художественный метафорический язык, стиль мышления. Отсюда характерное для большинства работ Ю. Н. Лапшина резкое, контрастное противопоставление света и тьмы, как бы материализующее обстоятельство, в котором герою необходимо сделать выбор между добром и злом. Таков эскиз декорации к спектаклю ТЮЗа «Прощание в июне» по пьесе А. Вампилова.

Пространство сцены окутано серой паутиной, сетью — это точно западня для Тани, героини спектакля, для всего чистого, светлого. Стена, с которой Колесов спрыгивает на «шахматный» пол, предавая любовь и идя на компромисс с собственной совестью, как бы символизирует ту нравственную высоту, которую герой предает, заключая сделку с совестью. Предаёт любимую, себя и свою мечту — зеленый альпийский луг (его свет слабо брезжит сквозь мрачную сеть-паутину). Сплошные контрасты — Таня и Колесов, серая стена и зеленый луг, воплощающий в себе лучшие стремления души Колесова, черные и белые клетки шахмат, добро и зло...

Ю. Н. Лапшина интересуют произведения таких мастеров слова, как Достоевский, Булгаков, Брехт, над которыми художнику, к сожалению, пока не приходилось работать для театра...

Важнейшим качеством таланта Лапшина является острое чувство современности. Художник стремится

к созданию такой сценической среды, которая явилась бы глубоким образным эквивалентом авторской мысли. О самых удачных его эскизах можно сказать, что они — метафоры, символы, материализующие главную идею спектакля. Так новый эскиз к спектаклю «Соловьиная ночь» В. Ежова (1978), сделанный уже после премьеры, превратился в интересную живописную интерпретацию художником замысла пьесы. На эскизе, как воплощение слепой бездуховности, изображен манекен, а пространство вокруг ограничено чудовищными металлоконструкциями, какими-то полыми трубами, напоминающими человеческие сосуды, из которых выкачена вся кровь, жизнь, душа, поз-

зия... На этом фоне любовь немецкой девушки и русского солдата выглядят особенно незащищенной. Юрий Николаевич занимается и станковой живописью. И тут опыт работы театрального художника рождает какой-то новый угол зрения на жизнь.

Живописный мир Ю. Н. Лапшина удивительно сложен, глубок и индивидуален. Важнейшей чертой его творческой манеры является взаимопроникновение непосредственно увиденного и воображаемого. Вот несколько удивительных женских лиц, родившихся из старых палитр, которые нельзя было выбросить: ведь с них смотрели живые глаза.

Главное в мире художника — противоборство добра и зла. На черном напряженном фоне мы видим беззащитного мальчика, который глядит с ужасом исподлобья, и только где-то в высоте, над ним, как слабая надежда на счастливый исход, летает красный воздушный шарик («Страх»). Одинокая девушка обреченно опускает голову у перевернутого вопреки всяким законам окна, как возле окна в «перевернутый» мир («Мир Беатриче»).

...Я смотрю на художника, как он сидит на корточках и, по-детски улыбаясь, изучает эскиз. И мне на память приходят слова Гете о поэзии, которые применимы к любому творчеству вообще:

Стихотворство —

озорство,

Вольность, дерзость,

грех —

Вероятно, оттого...

Мы счастливей всех...

И я думаю о том, что

Юрий Николаевич — счастливый человек...

Н. ГАШЕВА,
студентка ПГУ.